

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-188-198

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ПАТРИОТ» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Пугачева Е. Ю.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Цель работы – проследить способность отрезков текста со сменным субъектом речи передавать эмотивное состояние пишущего, поскольку переключение кодов с одной тематической системы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста. Процедура исследования включает применение методов дискурсивного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным подходом и антропологическим акцентом с учётом экстралингвистических факторов, что позволяет выявить достойный ключ к пониманию дневникового наследства Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза. В результате проводимого исследования автор статьи вносит определённый вклад в разработку комплексного анализа функционально-семантической категории языковой личности, что, в свою очередь, способствует развитию лингвосемантики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, стилистики, лингвокультурологии и теории интертекстуальности, т. е. способности текста включать несколько взаимнозаменяющихся субъектов речи как на уровне формы, так и на уровне содержания.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, тематический регистр, реминисценция, глубинный смысл.

COMPARATIVE ANALYSIS OF EMOTIONAL ASPECT VERBALIZATION OF THE SOCIAL ROLE “PATRIOT” IN LEO TOLSTOY AND JOHN FOWLES DIARY DISCOURSE

E. Pugacheva

*Moscow Region State University
24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to analyze the ability of discursive parts with interchangeable speech subjects to render the emotive status of the writer, as the shift from one theme code into another can considerably enhance the emotive and sensual content of a text. The research includes methods of interdiscursive analysis, characterized by active functional approach and anthropological bias with the consideration of extra-linguistic factors. This complex of methods enables the author to get the most adequate clue to understanding the diary heritage by Leo Tolstoy and John Fowles. As a result, the author makes a certain contribution into the develop-

ment of a multifaceted analysis the massive semantic-functional category - language personality. In its turn this enriches the theoretical foundations of linguosemantics, cognitive linguistics, textual linguistics, stylistics, linguoculturology, and intertextuality, i.e. the ability of the text to include several interchangeable speech subjects at both form and contents levels.

Keywords: intertextuality, precedent, intertextual inclusion, quotation, thematic register, reminiscence, innermost sense.

Цель работы – проследить особенности вербализации эмотивного состояния языковой личности (далее ЯЛ) при переключении на иной тематический регистр и, следовательно, иную социальную роль. **Объектом исследования** выступают отрезки текста со сменным субъектом речи, **предметом** – их способность к передаче эмотивного состояния пишущего. **Материалом исследования** послужили записи дневников Л. Н. Толстого за период 1847 по 1894 гг. и Джона Фаулза за период 1949–1965 гг. Выбор такого языкового материала объясняется несколькими аспектами. Во-первых, Дж. Фаулз не раз признавал Л. Н. Толстого своим учителем, восхищался его стилем и мощью слова. Во-вторых, их абсолютная несопоставимость (по национальности, времени жизни, экономическому положению, вероисповеданию и проч.) обеспечит максимальную беспристрастность к пониманию такой функционально-семантической категории, как «патриотизм», в структуре языковой личности каждого и особенностям её вербализации. В-третьих, нами не было зафиксировано ни одного случая подобного диахронического сопоставительного исследования, в чём мы усматриваем **научную оригинальность** настоящей работы. **Практическая ценность** обусловлена повышением внимания со стороны государства к воспитанию в подрастающем поколении патриоти-

ческих чувств с опорой на вошедшие в фонд национального достояния ресурсы, включая письменные литературные источники.

Алгоритм исследования включает несколько взаимосвязанных этапов: 1) методом сплошной выборки определить тематическое наполнение дневниковых записей; 2) определить социальную роль, исполняемую авторами в том или ином отрывке текста; 3) выделить фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности, присущие той или иной социальной ипостаси ЯЛ автора дневникового дискурса; 4) в соответствии с чем определить эмотивное состояние пишущего и его воздействие на прочие зоны изучаемой ЯЛ; 5) сравнительно-сопоставительным методом провести анализ полученных данных и сделать вывод по проделанной работе.

Все мы являемся частью культурного целого, обозначаемого терминами «Родина» и «Отечество». Это одна из основополагающих сфер человеческого бытия. Как утверждает Д. А. Карманова, «патриотизм представляет собой важнейшую составляющую экзистенции человека. Для многих людей патриотизм возглавляет иерархию ценностей, придает жизни смысл, заполняя порой экзистенциальный вакуум» [4]. В знаменитой теории А. Маслоу необходимость в самоутверждении, которое невозможно без самоопределения, в том числе, относи-

тельно патриотической принадлежности, стоит на высшей ступени «пирамиды потребностей» [2, с. 94]. На наш взгляд, это связано с тем, что человек познаёт себя, вычлняя себя из собственного окружения и сопоставляя это окружение с чуждыми аналогами. Неудивительно, что выдающиеся языковые личности обращаются к этой теме с упорным постоянством. Были выявлены 78 отрывков текста, реализующих данную социальную роль, в дневниках Л. Н. Толстого. Критерием отбора служил семантически-тематический признак, т. е. обращение к теме «судьбы Родины». Приведём один из ярчайших примеров: *Я чувствую себя гражданином, и ежели у нас есть уж власть, то я хочу власть в уважаемых руках*¹.

Как видим, в приведённом отрывке Л. Н. Толстой выступает от 1-го лица единственного числа, что не наблюдается в роли «социолог» [3], где наличествует нейтралитет, объективное остранение, попытка созерцания той или иной ситуации извне. Примечательно, что за счёт объектного местоимения *нас* (производного от «мы-инклюзивного») происходит единение Л. Н. Толстого с такими же сочувствующими судьбе Родины гражданами. Однако контекст создаёт противопоставление граждан и власти, вскрывая корень социального конфликта. По данным Д. А. Кармановой, «основные проблемы в рамках патриотической идеи в российской социально-философской мысли могут быть обозначены следующим образом: противопоставление любви к Отечеству и любви к истине; религиозный характер любви к Отечеству (А. С. Шишков); проблема критического отношения к недостаткам своего Отечества (П. А. Чаадаев); выражение любви человека ко всему человечеству (Н. А. Добролюбов); идея единства национального и общечеловеческого (А. И. Герцен, В. Г. Белинский); проблема соотношения патриотизма и национализма (В. С. Соловьев); а также критика патриотизма как совершенного зла, обладающего разрушительным действием по отношению к любому государству, в том числе и к своему Отечеству (Л. Н. Толстой)» [2].

Известно, что в XIX в. интеллигенция категорически отделяла себя от властвующих структур, определяя их как зло, в то же время идеализируя некий абстрактный образ Родины – Матушки-России. Вот почему для Л. Н. Толстого словосочетание *власть в уважаемых руках* звучит как сочетание несочетаемого (стилистический приём «оксюморон»). За счёт синтаксической ретардации и эллипса (использование импликаций) данное словосочетание получает дополнительную акцентуацию и, следовательно, дополнительный эмоциональный заряд. Толстой непоколебимо уверен, что власть портит человека и сосредотачивается в руках нечистых, не заслуживающих уважения граждан.

Как видим, за счёт применения таких стилистических фигур, как противопоставление и оксюморон, а также синтаксических – ретардация и подтекст – проявляется эмоциональная вовлечённость гражданина Л. Н. Толстого в вопрос патриотизма: его сензитивность ко всякого рода отклоне-

¹ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 227.

ниям от правды носит радикальный характер. Об этом явственно свидетельствуют пафос представленного интертекстуального вкрапления, его торжественный характер, аллитерированные звуки [в\ж], метонимия и архаизм. Представляется, что именно за счёт лексической единицы *ежели* автор подчеркнул своё единство с простым народом вопреки своему аристократическому происхождению. В приведённом отрывке автор намеренно не пользуется варваризмами, хотя они были достаточно распространены в его дневниковом наследии [5]. По данным проведённого нами лингвокультурологического анализа, многие писатели размышляли на тему «судьбы Родины» на иностранных языках [2].

Ещё пример: *Я думаю надо заявить правительству, что я не признаю собственности и прав, и предоставить им делать, как они хотят*¹.

Дважды озвученное местоимение первого лица «Я» противопоставляется правительству, т. е. властям, что вторит вышеуказанному примеру. Тон повествования – помпезный: узкоспециальный термин *собственность*, глагол в 1-м лице единственного числа *признаю*, инфинитивы *заявить*, *предоставить* свидетельствуют об этом. Сама фраза созвучна вызову, нежели чем налаживанию диалога. Отказ от прав собственности приравнялся к неподчинению кодексу правил гражданского общества, открытому обособлению от него. Ассонирующий звук [и] делает акцент на обдуманности принятого писателем решения. С эмо-

циональной точки зрения прослеживается сосредоточенность и убежденность в правильности хода мыслей.

Следующий пример: *На вопрос: как быть без государства, без судов, войска и т.п. Ответ не может быть дан на [вопрос, потому что он дурно поставлен. Вопрос] не в том – устроить государство: по-нынешнему или по-новому. Я и никто из нас не представлен к [решению] этого вопроса. А [решению] нашему подлежит, и не произвольно, а неизбежно, вопрос о том, как мне поступить в постоянно становящейся передо мною дилемме: подчинить ли свою совесть делам, совершающимся вокруг меня, признать ли себя солидарным с правительством, которое вешает заблудших людей, гонит на убийство солдат, развращает опиумом и водкой народ и т.п., или подчинить свои дела совести, то есть не участвовать в правительстве, дела которого противны моему сознанию? А что из этого выйдет, какое будет государство, этого я ничего [не знаю, и не то, что не хочу, но не могу знать. Знаю] только то, что из того, что я буду следовать вложенному в меня высшему моему свойству [разума и любви или разумной любви], ничего дурного выйти не может*².

Первая фраза приведённого интертекстуального вкрапления содержит цепочку синонимов, поясняющих понимание Л. Н. Толстым-гражданином лексемы *государство*, которое, по его мнению, включает суда и войска, которое вешает, подчиняет совесть, гонит на убийство, развращает опиумом и

¹ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 443.

² Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 509.

водкой, дела которого противны, прочие дела которого умалчиваются фразой совершающимся вокруг меня. Очевидно, что применение импликации в этом случае доводит не самую положительную характеристику.

Отрицательный эмоциональный заряд особенно ярко проявляется на фоне контекстуально положительных *разума и любви или разумной любви, высшее мое свойство*. Л. Н. Толстой вводит не только это противопоставление, но и более близко расположенные в контексте: *по-нынешнему – по-новому, не хочу – не могу, не произвольно – неизбежно*. Патриот Л. Н. Толстой осознаёт, что не ему решать подобные вопросы, но, как гражданин, он подчёркивает важность выявленной им дилеммы (следовательно, и её повышенный эмоциональный фон) и формулирует более конкретное направление мысли для остального общества.

Подчеркнём, что риторика социальной роли «патриот» в дневниковом наследии Л. Н. Толстого рассчитана на большую аудиторию. Поясним, что, несмотря на изначально заложенное понимание дневника как интимного инструмента авторской рефлексии, Л. Н. Толстой на определённом этапе понимал, что его записи рано или поздно приобретут общественный характер [1, с. 398]. На страницах дневника автор в дискурсивном порядке вопрошает о насущном и ведёт речь от 1-го лица множественного числа, объединяя себя с народом. «Мы-инклюзивное» – так сейчас называется эта стратегия в лингвополитологии.

Ещё одной примечательной характеристикой социальной роли «патриот», прослеживаемой в изучаемом

отрывке, является использование цепных повторов, концептуальной метафоры (*подчинить совесть*), аллитерации и ассонанса, формирующих законченный ритмико-интонационный рисунок, удобно воспринимаемый публикой, что также служит отличным персуазивным средством. Синтаксический строй представленного распространённого предложения свидетельствует о том же. Автор говорит со своим воображаемым оппонентом на одном языке, хотя употребляет философские термины, но детально разъясняет каждое слово для полного себя отождествления с окружающими.

В качестве возможного реального оппонента по вопросам патриотизма может выступать Дж. Фаулз, широко известный писатель, филантроп, мемуарист, сценарист, коллекционер, орнитолог и т. п., полностью спектр возможных проявлений языковой личности которого также невозможно передать. Методом сплошной выборки нам удалось выявить сопоставимое количество выдержек, общим объёмом 74 единицы. Напоминаем, что в «чистом» виде их сложно определить, так как масштабная языковая личность реализует максимальное число ролей в минимальном объёме текста.

What I dream of is an oligarchy of left-wing intellectuals, who are cold and dispassionate and scientifically philanthropic, who could do something about all the causes of ignorance – the violently partisan press, which en masse is all right; but most people only read one and the same paper day by day. It is easy to be drugged by one point of view. Constant dripping... and then a modern vote is valueless. I have no say in the government of my society. A one fifty millionth is not enough. All I can do is

*dream of the city-state ... The more I think, the more I determined that the need is for a city-state world. Division and re-division, until one can live in a community again: knowing everyone, meeting one's neighbours frequently, and having a direct say in the government*¹ (Я мечтаю о власти в руках левых интеллектуалов, объективных, бесстрастных, чьи филантропические деяния основываются на научном подходе, мечтаю, чтобы они справились с различными проявлениями невежества – прессой, фанатично приверженной какой-нибудь партии, – нет в массе периодические издания неплохи, но ведь большинство людей изо дня в день читают одну и ту же газету. Легко подсесть на одну точку зрения. Капля камень точит ... и всеобщее современное избирательное право ничего не стоит ... Один человек из 50 млн значения не имеет. Я могу только мечтать о полисе-государстве. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее крепнет во мне уверенность в необходимости разделить мир на города-государства. Делить и делить, покуда каждый вновь не станет жить в общине, где он всех знает, часто встречается с соседями и может непосредственно общаться с правительством²).

Приступая к разбору данной выдержки, лингвист-культуролог непременно обнаружит аллюзивное сходство со знаменитой речью Мартина Лютера Кинга, также патриота своей страны, о великом её будущем: дважды повторенное “I dream of” является лейтмотивом обоих ораторов. Даёт ли нам это право охарактеризовать

всех патриотов мечтателями? Вряд ли. Но то, что может стать объединяющим элементом этих личностей, так это убежденность, вера и ратование за правомочность Родины на счастливое настоящее.

Целый набор эпитетов, расположенных с нарастанием, как с силлабической, так и семантической точки зрения призван оправдывать те силы, что приведут, по мнению Фаулза, к апогею развития Англии. Примечателен французский варваризм, употреблённый с целью акцентуации и кульминации развития градации. Замечено, что Дж. Фаулз часто прибегает к использованию галлицизмов как для сокращения усилий по передаче того или иного значения, так и для большей иллюстрации описываемых феноменов. В частности, он уподобляет распространение информации в медиа среде подпольной организованной войне, о чём свидетельствует лексическая единица *violently partisan*.

Концептуальной метафорой с медицинским колоритом выступает причастие *drugged*. Отметим, что с фонетической точки зрения отрывок насыщен аллитерирующим звуком [r]. По данным проведённого лингвострановедческого анализа исторической литературы, относящейся к Великобритании начала XX столетия, эту аллитерацию можно соотнести с косвенным отражением царящей в то время общественной агрессии.

Заканчивает этот ряд описательных оборотов неполносоставное предложение *constant dripping*. С синтаксической точки зрения данный оборот представляет собой стилистический приём апозиопезиса, или прерванного повествования. С психологической

¹ Fowles J. *The Journals*. Vol. 1 / ed. Ch. Drazin, London. Vintage, 2004. P. 139.

² Фаулз Дж. *Дневники 1949–1965*. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С. 199.

точки зрения его можно также отнести к приёму нарушенного ожидания: реципиент подспудно привыкает к полисидентоническому изложению, где каждая следующая фраза дополняет и усиливает сказанное прежде, а тут вдруг резкая смена стиля и максимальная эмоциональная точка, свидетельствующая об отчаянии автора изменить человеческую природу, стремлении расширить уозость мировоззрения тех, кого устраивает существующий миропорядок, кто не жаждет усовершенствовать этот мир.

Вот почему сразу после этого кульминационного момента меняется тон повествования. Лексические единицы *valueless, have no say, one fifty millionth, not enough*, а также обилие отрицательных частиц и суффиксов, деперсонафикация, сводящая человека до одной-пятидесятиmillionной частицы общества, демонстрируют омраченность автора собственным бессилием, его озабоченность невозможностью осчастливить всех. Прерванность повествования и смена темы отражают его эмоциональный модус как нельзя лучше.

Города-мегаполисы – мысль давно не новая [1; 3; 4]. Её рождение относится к античным утопистам Греции, но для Фаулза она – путь к реальному счастью всех и каждого. Увеличившийся темп, дробный характер высказывания, неполносоставные предложения, асиндетон – все эти стилевые маркеры вскрывают эмоциональное подключение писателя к затронутой теме. Повтор слов, параллельные конструкции, интенсификаторы и нарастание кульминируют в лексической единице *direct say* – личное высказывание, возможность поделиться на-

болевшим, шанс непосредственного соприкосновения с судьбой Родины; но при этом есть жёсткое противопоставление *я – правительство* (ср. у Толстого) как непреодолимая преграда на пути к патриотическому счастью. Как важно Фаулзу быть услышанным в толпе! Слово, возможность личного участия, со-трудничество с единомышленниками – вот ключи к успеху, по Фаулзу.

Как известно, выборы руководителей страны всегда служат показателем состояния общества, но политическая кампания от 25.10.1950 отразила жёсткое противостояние, открытый конфликт: лейбористское правительство потерпело поражение, и к власти с минимальным перевесом в 17 голосов пришли консерваторы во главе с Черчиллем. Примечательно, что этот отрывок дневника Фаулз озаглавил:

Election. This is more apathetic than the 1950 one. But now it is a choice between Tory romance and Socialist practicality; the Tories offer nationalism, the Empire, freedom of enterprise and so on; the Socialists increasing uniformity, the death of the ancien regime individual. As a social unit, I shall vote for the Welfare State. I vote for what I think best for society. A Tory world, obviously, would most benefit me; but I'm still young and poor enough to vote against my own corruption¹ (Выборы. Народ проявляет к ним меньший интерес, чем в 1950 году. Надо выбирать между романтизмом Тори и практицизмом социалистов. Тори – за национализм, империю, свободу предпринимательства; социалисты – за растущее единообразие, за гибель старорежимных индивидуалистов. Как социальная единица я

¹ Fowles J. The Journals: Vol. 1 / ed. by Ch. Drizin, London: Vintage, 2004. P. 136.

буду голосовать за государство всеобщего благоденствия. За то, что, на мой взгляд, лучше для общества. Программа Тори устроила бы меня больше, но я еще достаточно молод и беден и могу позволить себе голосовать против собственного разложения¹).

Как показало исследование всего корпуса дневникового наследства Дж. Фаулза, автор развил тенденцию использовать заголовки в виде острашения, как некий рычаг переключения с одной социальной роли на другую, не лишая их при этом теснейшей взаимосвязи. Так и в приведённом примере – историк и политик, чьи основные интересы связаны с объективной констатацией факта социального развития, становятся отчасти романтизированы поэтическим сознанием писателя. Об этом явственно свидетельствуют словосочетания *Tory romance*, *Socialist practicality*. Далее, посредством бессоюзных конструкций Фаулз противопоставляет две линии градаций: *национализм* (капитализированная лексическая единица), *Империя*, и как высшее проявление свободы волеизъявления человека – *возможность заработать*; с другой стороны – отказ от индивидуального в пользу общественного. Примечательно, что в данном случае Фаулз прибегает к своему излюбленному приёму – привлечению варваризма и метафоры. Нарекая программу Тори «старым режимом», что, несомненно, отражает негативное авторское отношение, Фаулз оправдывается собственной необеспеченностью и возрастом, чтобы иметь шанс улучшить состояние Отечества и своего в том числе. Отметим, что в этом

¹ Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С. 194.

случае происходит деперсонификация – автор называет себя «социальным элементом», словно подчёркивая применённой инверсией, что политическая система не имеет ничего общего с людьми и их судьбами. Подобный подход отражает неудовлетворённость от онтологической порочности системы, а точнее, её ценностей.

Система ценностей, отражённая в разбираемом сверхфразовом единстве, испытывает некоторый сдвиг: бедность приобретает положительную оценку, а богатство – резко отрицательную, как способ разложения. Об этом сигнализирует рассудительность, выражающаяся в строгости синтаксиса – его простоте и параллелизме, что создаёт, в том числе, ритмическую организованность.

При осознанном отказе от «империалистского загнивания» путешественник-патриот Фаулз тем не менее отмечает бедность в других странах и оценивает её не с лучшей стороны:

One gets a sense of poverty in passing French houses, which is unknown in England, and they still do work which seems the work of the extreme poor. There is still a kind of ancient regime hovel-and-scrape atmosphere about the average French country village. Almost a feudal serfdom. None of the sturdy, honest, cleanliness of the English, with the puritan self-respect and prosperous illusion of independence²... (Проходя мимо таких французских домиков, замечаешь нищету, какой не увидишь в Англии: здесь люди все еще выполняют работу, которая в других местах является уделом бедняков. В обычной французской деревне все еще сохраняется атмосфера прежних лет, когда жители

² Fowles J. The Journals. Vol. 1 / ed. Ch. Drazin, London. Vintage, 2004. P. 99.

еле сводили концы с концами. Почти феодальный уклад. Ничего похожего на прочность, чистоту и порядок английской деревни, где сохраняется пуританское самоуважение, и не дающая унывать иллюзия независимости¹).

Примечательно, что, несмотря на явную критику домашнего режима на Родине, Фаулз видит ещё больше недостатков за рубежом. Особенно по отношению к труду и его вознаграждению. Во Франции внимание автора сконцентрировалось на том аспекте, что люди впадают в крайность, свойственную разве что крепостническому режиму, что выделено не только с по-

мощью историзма (*feudal serfdom*), но и синтаксически – за счёт острания. Вторичное употребление галлицизма *ancient regime* передаёт его (галлицизма) особое место в мировоззрении Фаулза и, соответственно, его (галлицизма) семантическое наполнение, т. е. гиперсемантизацию.

Заключительным этапом нашего исследования выступает проведение сопоставительного анализа вербализации эмотивного состояния социальной роли «патриот» обеих языковых личностей. Для большей иллюстрации выявленные средства вербализации приведём в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Средства вербализации эмотивного состояния социальной роли «Патриот» в дневниковом наследии, полученные в ходе исследования

Средства вербализации эмотивного состояния социальной роли «патриот» в дневниковом наследии Л. Н. Толстого	Средства вербализации эмотивного состояния социальной роли «патриот» в дневниковом наследии Дж. Фаулза
Применение грамматических средств	Применение морфологических средств
противопоставление	противопоставление
оксюморон	Не выявлены
ретардация	Не выявлены
Аллитерация и ассонанс	аллитерация
метонимия	синекдоха
историзмы	историзмы
метафорика	Метафорические эпитеты
Цепные повторы	Не выявлены
Намеренный отказ варваризмов	Наличие варваризмов
Отсутствие аллюзий	Наличие аллюзий
Не выявлены	Нарастание \ градация
Использование импликаций	гиперсемантизация
Полносоставность высказывания	Неполносоставные фразы
Чёткая логика изложения	Прерванность повествования, нарушенное ожидание
персонификация	деперсонификация
Не выявлены	Просодические средства выдвижения
полисиндетон	асиндетон
Отсутствие заголовков	Наличие заголовков
Отсутствие стилизации	Наличие стилизации и романтизации
Не выявлены	Применение графических средств (капитализация)

¹ Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С. 145.

Как видно из предложенной таблицы, оба автора использовали вариативные стилистические средства для передачи своего эмотивного модуса: все уровни текста, включая форму предъявления текста, несут значительную информацию. Историческое сопоставление отражает всё большее увеличение средств эмотивного вовлечения пишущего и всё больший выход в подтекстовое пространство текста. Наличие общих черт вербализации эмотивного состояния может сигнализировать об универсальности функционально-семантической роли «патриот» в глобальном комплексе «языковая личность». В качестве возможного вы-

вода можем выдвинуть утверждение, что, судя по количеству и качеству эмотивных средств её вербализации, социальная роль «патриот» относится к опорным, смыслообразующим координатам культуры, без которой немислима мировоззренческая модель реальности. В обеих лингвокультурах социальная роль «патриот» представляет собой сложное лингвистическое явление, обладающее значительным семантическим и функциональным потенциалом, не сводящимся в однозначный конструкт ни в плане формы, ни в плане содержания.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Басинский П. В. Лев Толстой: Бегство из рая. М.: АСТ, Астрель, 2010. 636 с.
2. Бэкмен Л. Эволюция души. Духовное исцеление через исследование прошлых жизней / пер. с англ. О. В. Цветкова. СПб.: Будущее Земли, 2017. 304 с.
3. Ильин И. А. О патриотизме // Студопедия: [сайт]. URL: https://studopedia.ru/13_3968_iailin-o-patriotizme.html (дата обращения: 24.08.2017).
4. Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ: автореферат дис. ... канд. филос. наук // Dislib.ru. URL: <http://dislib.ru/filosofiya/13548-1-patriotizm-kak-obschestvennoe-otnoshenie-socialno-filosofskiy-analiz.php> (дата обращения: 24.08.2017).
5. Пугачева Е. Ю. Эмотивный модус английских интертекстуальных вкраплений в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 31–37.

REFERENCES

1. Basinskii P. V. *Lev Tolstoi: Begstvo iz raya* [Leo Tolstoy: Flight from Paradise]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2010. 636 p.
2. Backman L. *The Evolving Soul: Spiritual Healing Through Past Life Exploration* (Russ. ed.: Tsvetkov O. V., transl. *Evolyuitsiya dushi. Dukhovnoe istselenie cherez issledovanie proshlykh zhiznei*). St. Petersburg, Budushchee Zemli Publ., 2017. 304 p.).
3. Il'in I. A. [About patriotism]. In: *Studopediya* [Studopedia]. Available at: https://studopedia.ru/13_3968_iailin-o-patriotizme.html (accessed: 24.08.2017).
4. Karmanova D. A. [Patriotism as a social relation: a social-philosophical analysis: abstract of PhD thesis in Philosophical Sciences]. In: *Dislib.ru*. Available at: <http://dislib.ru/filosofiya/13548-1-patriotizm-kak-obschestvennoe-otnoshenie-socialno-filosofskiy-analiz.php> (accessed: 24.08.2017).
5. Pugacheva E. Yu. [The Emotive Modus of English Intertextual Inclusions in the Diary Heritage of L. N. Tolstoy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 1, pp. 31–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Pugacheva – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «патриот» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 188–198.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-188-198

FOR CITATION

Pugacheva E. Yu. Comparative analysis of emotional aspect verbalization of the social role “patriot” in Leo Tolstoy and John Fowles diary discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 2, pp. 188–198.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-188-198